

Не трожь кокошник!

Патриотизм не в том, чтобы было всё своё, а в том, чтобы
всё было

15:00, 20 июля 2026,

Антон Орехъ

Фото: Антон Новодерёжкин / Коммерсантъ

Когда на прямой линии (кажется) Путину рассказывали, что в народе снова мода на кокошники, я слушал это с удивлением. Потому что мода не может не бросаться в глаза. Люди либо носят кокошники, либо это делает только омбудсмен Львова-Белова. Но вы знаете — нет, начали не массово, но попадаться и обычные гражданки в чем-то таком на голове, похожем на древнерусский головной убор.

Кстати, а насколько он древний? И насколько русский? Кошунственные вопросы возникли у меня после нашумевшего выступления бывшего директора ГМИИ им. Пушкина Елизаветы Лихачевой, которая смело сообщила, что кокошник придумали художники эпохи модерна, позаимствовав их с картин итальянских полотен XV века.

Месяц никому не было дела до этих слов, сказанных в подкасте блогера Павла Костина, но кто-то посмотрел, возмутился,

и вот уж и Мария Захарова назвала Лихачеву

«ложным опенком», и серийный доносчик Бородин потребовал привлечь к ответственности за дискредитацию русского культурного наследия (такая статья в УК уже есть?),

и даже в Музее кокошника назвали слова Лихачевой преступлением против культуры нации.

Поскольку нет такого бреда, который не мог бы стать в нашей стране руководством к действию, совсем уж комичными эти эскапады назвать нельзя. Но частный случай, как водится, заставил посмотреть на всё это шире и объемнее.

С кокошником, к слову, «не всё так однозначно». Лихачева, конечно, несколько гиперболизировала историю вопроса. Но первое упоминание о кокошнике в документах действительно совершенно не древнее, а в историческом смысле относительно свежее — XVII век. Появление его на Руси имеет несколько версий — и византийскую, и монгольскую, и от славянских племен. Но «импортные» варианты — не ересь, и их среди этих версий даже большинство.

Но еще раз: не в кокошнике дело. А в пропагандистских мифах об особой цивилизации, о пути, ни на чей не похожем, отдельном от остального мира и не просто прекрасном, а прекрасном исключительно.

В этом смысле мы, впрочем, не одиноки. Регулярно на глаза попадают опросы, и жители разных европейских стран, когда

их спрашивают, считают ли они свою культуру выше других, отвечают высокомерно-положительно. Во многих странах так думает большинство, а, например, в той же Греции — большинство подавляющее. И опасения, что национальные традиции, обычаи, нравы растворятся в потоках культурного глобализма, тоже повсеместны. Однако объявлять сомневающихся предателями, требовать уголовной ответственности и прочих кар предлагают отнюдь не везде.

Мы бы очень удивились, если бы узнали, насколько неглубоки корни у многих «исконных» вещей. Балалайка, которая вместе с медведем и водкой стала устойчивым символом России, тоже в письменных источниках появляется только в раннее петровское время. А в привычном нам виде популяризировать инструмент начал энтузиаст и просветитель Василий Андреев в конце XIX века! Не тыщу лет назад, а менее полутора! И древние народные промыслы оказываются не такими уж древними. Да много разного традиционного и хрестоматийного оказывается относительно новым изобретением. Просто всё это хорошо прижилось, вписалось в наш контекст, и кажется, что было с незапамятных времен. А времена вполне обозримые.

Очень обидно бывает нам узнавать, что вещи, которыми мы гордились как своим изобретением, оказывались заимствованными. Ну, салат оливье — это мы не отрицаем. Хотя в мире он как раз считается «русским салатом». Но ведь сам Кремль построили итальянцы! Весь наш автопром — калька с не самых свежих на тот момент европейских и американских образцов. Чего удивляться, что мы сейчас клеим на китайские машины наши шильдики и называем это «российскими автомобилями».

Фото: Виталий Смольников / Коммерсантъ

Сталинская индустриализация — что это? И кто напомним россиянам, что крупнейшая в 20–30-е годы проектная фирма Albert Kahn Inc спроектировала и построила 570 советских предприятий! ГАЗ, АЗЛК, Магнитка, Уралвагонзавод, тракторные заводы в Челябинске и Сталинграде. 20 тысяч американских инженеров приехали в страну большевиков строить индустриальный хребет социализма.

Для кого-то эти знания могут стать моральным ударом, крушением устоев, патриотическим разочарованием. А я вот думаю, что нас это характеризовало исключительно положительно! Зачем изобретать велосипед с квадратными колесами, когда есть люди, которые давно делают его с круглыми? Ну не умеем мы делать автомобили — почему не перенять опыт у тех, кто умеет? Не было технологий и специалистов, чтобы быстро спроектировать и построить

современные предприятия — заключили договор с американцами. Даже раньше, чем установили дипломатические отношения! И космическая программа СССР не была бы такой стремительной по реализации и успешной по результатам без немецких технологий, которые мы получили после войны — как и американцы. Так и прекрасно! Выиграли время, умело применили и достигли серьезных рубежей.

Ностальгирующие по СССР люди рассказывают, что «зато у нас всё свое было» и что в Советском Союзе умели делать что угодно. Умели. Но в каких количествах и какого качества?

Если была хоть какая-то возможность купить, «достать» импортную одежду, косметику, технику — конечно, всё это предпочитали отечественному. Командировка за границу — подарок судьбы. Посмотреть, как «нормальные люди» живут, и привезти кусочек бытового капитализма домой. Даром, что ли, валютные магазины были в стране? Недоступные большинству островки райских наслаждений. Посмотрел в сети каталог «Березки». И вот это было потребителем Эльдорадо? Сейчас таков ассортимент маленького магазина в соседнем доме. А тогда было роскошью. «Зато всё свое» — и очереди за мясом и конфетами.

Нет ничего стыдного в том, чтобы чувствовать себя частью мировой культуры, а не какой-то отдельной. Патриотизм не в том, чтобы было всё свое, а в том, чтобы всё было.

Пусть наши рабочие на наших заводах получают наши деньги и платят в нашу казну налоги, выпуская иностранные машины, кроссовки, телефоны. Работают, зарабатывают, живут нормально. Пусть ходят в кокошниках, если захотят, или в рваных джинсах из Америки (хотя на самом деле из Китая), если им так нравится. Пусть смотрят любое кино, а не по квотам Никиты Михалкова. Пусть чтут настоящие традиции и знают настоящую историю, а не ту, про которую напишет Мединский. Не стыдно знать о темных временах. Не стыдно признать, что что-то родное ты позаимствовал у кого-то другого, но оно пришлось тебе в самый раз.

Прочитайте про «эффект пиццы», которая стала одним из символов Италии, но популярность приобрела сначала в Америке и лишь потом вернулась на родину, превратившись в туристический бренд. Или про парад в Мехико в День мертвых, на который каждый год едут сотни тысяч туристов. Хотя еще десять лет такой «исконной» традиции вообще не было. Она пришла из фильма про Джеймса Бонда! А потом мексиканцы решили использовать это и превратить в туристическую приманку.

Мир слишком большой и прекрасный, чтобы запирается в своей скорлупе, да еще за попытку из этой скорлупы выглянуть наказывать с криком: «Не трожь кокошник!»